

АЛЕКСАНДР ТОРОПЦЕВ

# ЖЕНЩИНА В ДРЕВНЕЙ РУСИ



# Александр Петрович Торопцев

## Женщина в Древней Руси

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=34119054](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34119054)*

*Женщина в Древней Руси: Родина; Москва; 2018*

*ISBN 978-5-907024-22-9*

### Аннотация

О древнерусских женщинах мы до сих пор знаем немного: книги по истории рассказывают в основном о «мужском мире»: о политике, войнах, дворцовых интригах, оставляя за рамками повествования мир «женский», домашний. О том, как женщины воспитывали детей, обустроивали быт, встречали возвращающихся из военных походов супругов, обычно умалчивается. В своей книге о древнерусской женщине известный российский историк Александр Торопцев открывает читателям «женский мир», опровергает миф о древнерусской женщине-затворнице, во всем послушной мужу, и показывает, какую тяжелую ношу несла она на своих хрупких плечах. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России.

# Содержание

Введение	5
Часть I. От скифских жен до Рогнеды	7
Жены рабов	7
Управляемые женщинами	9
Сунильда	15
За что били дулебок	22
На перепутье	25
Ольга	31
Рогнеда Рогволодовна	45
Без женщин сыту не сваришь (Легенда Белгорода на Ирпени)	53
Царевна-лягушка	57
Елизавета-Элисив. Старшая дочь Ярослава Мудрого (Ярицлейва)	59
Анна Ярославна – королева Франции	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

# **Александр Торопцев**

# **Женщина в Древней Руси**

© А.П. Торопцев, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

\* \* \*

# Введение

В нашей книге мы расскажем о житье-бытье русской женщины на протяжении более чем 2,5 тыс. лет, о нравах, царивших в разные времена на разных территориях огромной державы, о бытовых проблемах, которые решали женщины, о законах, непосредственно касающихся их, о ратных и житейских подвигах, о государственных деяниях и т. д.

Книга состоит из:

- коротких, эмоциональных очерков и рассказов, главными героинями которых являлись женщины;
- ....– статей русских и российских законов, касающихся женщин;
- небольших «житейских» словариков. Это даст возможность читателю узнать детали быта простых и знатных семей;
- подборок пословиц и поговорок из всем известной книги В.И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа». Всем людям хорошо известно, что народ живет, пока поет, пока не угасла в нем тяга к творчеству. В фольклоре любого народа сконцентрированы одновременно и его познания, и его отношения к разным житейским проблемам, и, конечно же, его отношение к семье, жене, женщине вообще.

Весь материал расположен в книге в хронологическом порядке, что даст возможность почувствовать социально-психологическую напряженность на том или ином этапе разви-

тия Русского государства и понять сложности и тонкости жизни изнутри, из семьи исходящие, в семьях же сконцентрированные.

Женщина! Равноценная составляющая «житейского поля» (муж и жена), но часто не равноправная составляющая. Так было во многих странах и во все времена. И частенько женщина подчинялась этому неравноправию, мирилась с ним, не теряя, однако, своей ценности для семьи, общества и государства в целом.

Но каковой же была и есть русская женщина? Тихоней или «бой-бабой», бережливой домохозяйкой или транжирщицей, преданной или, наоборот, начальницей или подчиненной? – на все эти и другие вопросы мы попытаемся дать ответы, которые помогут заинтересованному читателю составить свой «русский женский портрет».

# Часть I. От скифских жен до Рогнеды

## Жены рабов

В VI веке до н. э. скифы из Причерноморских степей вторглись по проторенной киммерийцами дорожке в Малую Азию и буйствовали там, позабыв о своих женах и семьях, 28 лет. Жены, отчаявшись ждать своих мужей, создали новые семьи с теми, кто был под рукой, то есть с рабами. По предположению некоторых ученых, ими могли быть побежденные киммерийцы. Поступили они в этом вопросе чисто по-женски. Мужикам воевать, а женщинам рожать да кормить детей своих, то есть продолжать род человеческий. Не шуточное это занятие.

Вскоре в новых семьях появились дети, они выросли, стали обзаводиться своими семьями. Жизнь брала свое.

И вдруг, как неожиданная зимняя гроза, явились старые во-яки домой. Скифские женщины рассказали своим детям и даже внукам об их происхождении, и они, молодые, сильные, решили воевать с бывшими мужьями своих матерей. Война была упорная. Опытные воины-скифы долгое время проигрывали битвы, теряли людей, а с ними и надежду на победу.

Однажды один скиф сказал на собрании воинов: «Зачем мы воюем с оружием в руках против наших рабов? Их много. Они нас убивают, мы слабеем. Но если мы их всех убьем, то у нас не будет рабов!»

«Все верно, – ответили соратники, – но что же нам делать?»

«Нужно оставить луки и стрелы. Пока мы воюем с оружием, рабы считают себя равными нам. Мы должны взять в руки плетки и кнуты и показать рабам, кто есть кто. Они прекратят борьбу».

Скифы так и сделали, и вскоре они разгромили противника.

«Отец истории» ничего не пишет о том, как отнеслись победители к своим женам, но вряд ли скифы сделали их рабынями (хотя в степи и такое могло быть). Другое дело – женщины! С одной стороны, они в отсутствие мужей тоже постарались для общего дела, нарожали скифам рабов, но ведь рабы-то эти были их детьми...

Жаль, что ни один из романистов-историков не рискнул написать роман (а то и какую-нибудь многосерийную мыльную оперу) о жизни скифской семьи после победы скифов над рабами – над детьми своих жен.



# Управляемые женщинами

В VII–IV веках до н. э. в поволжско-приуральских степях кочевали племена савроматов, близкие к скифам и сакам по происхождению, языку и культуре, но в корне отличавшиеся от них тем, что женщины у них занимали ключевые позиции в обществе. Об этом в своих произведениях писали древние греки: Геродот, Евдокс, Эфор и другие, а Псевдо-Скилак так и назвал их – «управляемые женщинами».

Геродот же напрямую связывает савроматов с амазонками. Рассказ «отца истории» заслуживает женского внимания еще и потому, что подобные события будут неоднократно повторяться в судьбах народов России и ее соседей, чехов в частности, и, естественно, отражаться в произведениях более поздних авторов.

В настоящее время существование странного сообщества людей женского пола, амазонок, наукой доказано почти с математической точностью. Более того, тяга к амазонству у женщин, в том числе и у прелестных россиянок, осталась по сей день, к великому сожалению для всех мужчин.

Согласно греческой мифологии, племена женщин-воительниц обитали в Малой Азии в долине реки Фермодонт. В определенное время года, когда воевать им было сложно, они с помощью разных хитростей заманивали чужестранцев в ласковые свои сети, играли с ними в страстные любовные

игры, наигравшись, выпроваживали, рожали в положенный срок детей, оставляли себе девочек, а мальчиков либо раздавали кому ни попадя, либо убивали: так не любили они род мужской.

Сражались с амазонками лучшие греки: Беллерофонт, Геракл, Тесей, а во время Троянской войны амазонка Пенфесилая сражалась на стороне Приама и погибла от руки знаменитого Ахилла. Как уж удалось троянскому царю поладить с ней, сказать сейчас трудно, но борьба эллинов с «женщинами без мужчин» продолжалась и после взятия Трои.

Согласно переданному Геродотом сказанию, эллины одержали в сражении при Фермодонте крупную победу над амазонками, захватили много воительниц в плен и повезли их на трех кораблях на Балканский полуостров... не понятно зачем! Как известно, древних греков отличала, помимо других качеств, еще и житейская мудрость. Но в «женском вопросе» они явно допустили промашку, впрочем, вполне объяснимую, если вспомнить изречения Фалеса и Бианта из Приены, Солона и Питтака из Метилены, других мыслителей, входивших и не входивших в число семи мудрецов. О чем только они не говорили! Как прекрасно они знали человека, его душу. О женщине они, за редким исключением, вообще старались не говорить. У спартанцев, правда, женщина играла выдающуюся роль в обществе, о чем говорит хотя бы тот факт, что после сражений самые красивые женщины Лакедемона выбирали себе самых храбрых героев. А не на-

оборот, как было бы с мужской точки зрения логичней. И, выбрав себе настоящего мужчину, женщина вела его к себе, как барашка покорного, в дом. А не наоборот! И хозяином в доме была, естественно, спартанка... Этот случай для Эллады особый, но, видимо, и он повлиял на формирование такого пренебрежительного отношения к женщине даже мудрейших из греков, даже лучших воинов Эллады.

Расслабились они после победы, ослабили бдительность, на свою беду. Амазонки напали на них и перебили всех до единого, позабыв в пылу воинственных страстей (это, кстати, свойственно всем женщинам земного шара – забывать о главном), что никто из них не умеет водить корабли.

И бросало их по морям по волнам долго. И забросило их на озеро Меотида, на Азовское море, прибило корабли к берегу. Амазонки сошли с кораблей, захватили табун лошадей, по всей вероятности, скифский, и продолжили любимое свое занятие: воевать с мужчинами и грабить.

Так это амазонское зло, согласно Геродоту, ветром занесло на просторы Восточной Европы.

Многие ученые считают, что у скифов тоже были «пережитки матриархата», и более того, они склонны называть этим термином явление амазонства в истории человечества. Но пережитое пережитку – рознь. И потом амазонская свирепость, по мнению автора данных строк, ничего общего с матриархатом не имеет!

Ситуацию в Спарте, например, можно назвать пережит-

ком. Но это – нормальный пережиток! Ты хорошо повоевал, пришел домой, тебя выбирает самая красивая спартанка, ведет тебя, уставшего и радостного, в свой дом, а там, естественно, она тебя кормит, поит, ласкает, может быть, даже очень хорошо ласкает, чтобы дети ваши были такими же героями, как ты. Это действительно прекрасный пережиток матриархата. О такой жизни любой нормальный мужик мечтает.

На научном языке факт внедрения «женщин без мужей» в Восточноевропейскую степь звучит приблизительно так: «часть позднейших савроматов прибыла из области современной турецкой гавани Самсун морским путем в Северокубанскую область и здесь смешалась со скифскими племенами».

Заметьте: «смешалась»! Там-то, в заморской Малой Азии, она только сражалась и не смешивалась, а здесь с этой частью произошла некая качественная метаморфоза, причиной которой явилась мудрость местных вождей, оказавшихся в женском вопросе мудрее даже великих эллинов. А дело было так.

Некоторое время скифы не могли даже понять, с кем они воюют. После очередного сражения к ним попало несколько трупов противника, и тут только они узнали, кто является их врагом. На совете старейшин скифы разработали новый план ведения боевых действий и послали на фронт самых молодых юношей с особо ответственным заданием.

Молодой отряд приблизился к стану амазонок, но воевать с ними не стал. Юноши «вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем», и, выполняя наказ старейшины, старались обольстить женщин. Одному из них это удалось: влюбил он в себя амазонку. Той, видимо, так понравилось любить, что она тут же сагитировала на это дело двух подруг. Скифу в этом смысле было гораздо проще. Он пришел в свой отряд, приказал, взял двух соратников, и на следующий день еще две амазонки влюбились в скифов. Дальше – больше. Операция, точно просчитанная на совете старейшин, успешно завершилась: каждой амазонке досталось по скифу.

А когда дело от любви дошло до серьезных разговоров о создании семей, то амазонки честно сказали возлюбленным о том, что они не смогут поладить со скифскими женщинами-домохозяйками, что они привыкли воевать и ничего другого делать не умеют...

По предложению женщин, юноши получили свою долю наследства, вернулись к теперь уже бывшим амазонкам, откочевали с ними за Таношс (Дон) и образовали новый народ – савроматов. Мужчины и женщины здесь были равноправны. И те, и другие выполняли одну и ту же – воинскую – работу, носили одинаковую одежду, охотились верхом. То есть уже в те далекие времена савроматы успешно решили проблему равноправия между различными полами, и никаких вопросов, связанных с эмансипацией, у них не возника-

ло.

Археологические исследования древних могил, в которых ученые обнаружили останки женщин с оружием, конским снаряжением и греческими атрибутами, подтверждают факт в истории Восточной Европы, в истории формирования образа россиянки.

К V–IV векам до н. э. савроматы окрепли, стали все чаще переходить Дон, грабить скифов. В IV–III веках до н. э. с востока в Восточноевропейскую степь пришли новые, родственные савроматам племена, здесь образовались новые союзы. С III века до н. э. их стали называть сарматами. С III века до н. э. по IV век н. э. они кочевали от Тобола до Дуная, играя важную роль в раскладе сил в этом регионе.

Более тысячи лет на огромных пространствах современной России женщина занимала в обществе важные, ключевые позиции. А это около 60 поколений.

# Сунильда

Римский историк Иордан в 551 году написал исторический труд «Гетика, или О происхождении и деяниях гетов». В этом крупнейшем произведении эпохи раннего Средневековья автор проследил историю гетов от того момента, когда они покинули Скандинавию, до середины VI века.

Для темы нашего разговора эта работа имеет важное значение, и вот почему. Иордан сообщает о том, что геты воевали с царем египетским Весозисом, который до этого воевал со скифами, мужьями амазонок, а затем римский историк, желая, по мнению некоторых современных ученых, удлинить родословную выходцев из Скандинавии, приводит странную версию истории готских амазонок.

Согласно этой версии, после смерти готского короля Танаузиса, успешно воевавшего с египтянами, войско готов продолжало далекие походы из Северного Причерноморья по разным странам. «Некое соседнее племя» попыталось воспользоваться этим и пленить готских женщин. Но обученные мужьями готские женщины дали достойный отпор врагу, затем, воодушевленные победой, они выбрали двух вождей, Лампето и Марпезию, первая осталась охранять родные края, а вторая отправилась в азиатский долгий поход. По версии Иордана выходит, что и царица массагетов Томирис, сокрушившая Кира Великого, была готкой, а не массагеткой,

и Дарий-то воевал в Северном Причерноморье не со скифами, а с готами, не пожелавшими отдать ему в жены дочь Антира, короля готов. В общем, куда не кинь, всюду готы и амазонки, естественно, полуготского происхождения, и нехорошие разные персы и другие народы, обижающие готов и их гордых женщин-красавиц-воительниц.

О том, состоятельны ли некоторые версии Иордана с точки зрения современной исторической науки, говорить нужно в других работах. Для темы нашей книги важно этакое подбострастное отношение римского историка к женскому вопросу. В самом деле, почему столь серьезному автору, жившему и писавшему в VI веке н. э., так нужны были готские амазонки, царица Томирис как вождь гетов, а не скифского племени массагетов? Неужели он не мог обойтись без женщин? Чем объяснить явно равнодушное отношение Иордана к женщинам? Может быть, в VI веке н. э. они вновь заговорили о себе во весь голос? Стали воевать? Бить мужиков на полях сражений? Да вроде бы не было этого как массового явления в VI веке на просторах современной России и ее восточноевропейских областей, хотя, конечно же, некоторые особи женского рода воевали в те времена. В чем тут дело, понять сложно.

Если верить ученым, равнодушным к женщине, то можно прийти к выводу о том, что сила ее амазонская к IV веку н. э. пошла на убыль, если не сказать больше, и судьба Сунильды из племени росомонов является ярким тому подтвержде-



нием. Коротенькое сообщение Иордана и, главное, название племени – росомоны – явились ареной для серьезных битв ученых. Некоторые из них считают и то, и другое вымыслом, кто-то пытается построить на слове росомоны логические цепочки, укрепляющие версии о существовании племени росов уже в VI веке. И так далее.

Нас же волнует в том эпизоде лишь Сунильда, жена Германариха (Эрманариха), столетилетнего вождя племенного обширного союза, стержневой опорой которого были готские племена. Согласно сведениям Иордана, жена короля «за изменнический уход» от него была по приказу повелителя, движимую гневом, привязана к диким коням и разорвана на части. Столь страшная казнь женщины, видимо, еще не преклонного возраста, говорит о многом и о многом же умалчивает! Трудно поверить, что столетилетний король готов, взявший в жены Сунильду, надеялся на супружескую верность. В его-то годы можно было и помудреть, и подобрать. Другая версия измены выглядит предпочтительнее для дикой злобы старика – измена государству, сколоченному им. Так или иначе, но братья разорванной в клочья Сунильды сумели подобраться к королю готов и поразить его в бок мечом. От этого удара Германарих не умер, но «влачил жизнь больного», и организовать достойный отпор гунам, которые во главе со своим королем Баламбером вторглись в пределы сколоченной им державы, готский вождь не смог. Страдая от раны и от поражений, он скончался, и его государство рас-

сыпалось в одночасье.

Мы не хотим сказать, что восточноевропейские племена, откалываясь от союза с готами, тем самым проявляли свое отношение к эпизоду, связанному с гибелью Сунильды, но этот случай говорит еще и о том, на каких правах могли «входить» в государство Германариха восточноевропейские племена и народы и как с ними могли обращаться, если они вели себя не так, как хотелось бы готам. Конечно, изменять мужу, да еще королю, грешно. Но жениться в 110 лет на молоденьких... зачем? Чтобы любоваться ими втихомолку на царском ложе да вспоминать былые времена, буйную молодость?

Тут политика и высшие интересы племен и народов, входивших в государственное объединение Германариха, – какие могут быть ласки? А те самые, нежные, за которыми бежала от дряхлого старца жена его Сунильда!

Изменилась жизнь в Восточной Европе с приходом сюда суровых готов и диковатых, свирепых гуннов, сильно изменилась!

Неравный брак Сунильды и Германариха, по всей вероятности, первый подобный брак в истории Восточной Европы, положил начало новой, для молоденьких женщин не совсем радостной эры, которая продолжалась ни много ни мало более 1,5 тысяч лет, вплоть до XX века, когда после долгой и упорной борьбы славных представительниц женского пола, в сердцах и душах которых не угасла еще воля к свободе, к амазонству, к сарматскому равноправию, они наконец-то

повернули вектор истории в свою сторону и получили возможность занять хотя бы уж равные с мужчинами права в обществе.

Не стоит думать, что эти 15–16 столетий женщины Восточной Европы и России в целом были такими прелестными овечками, скорее наоборот! Их гибкий практичный ум сумел очень быстро приспособиться к изменившейся в корне ситуации. Они, то есть женщины, никогда не ощущали себя такими пришибленными дурочками, красивыми, однако. И в дальнейших новеллах мы попытаемся обосновать историческими примерами данное утверждение.

На каждого Аттилу найдется своя Ильдиго.

Аттила на территории современной Российской державы не жил и, видимо, и родиться здесь никак не мог. Но корни этого «бича Божьего», деда его и прадеды наверняка вышли из войска Баламбера, сокрушившего готов. В 433 году он вместе с братом Бледою принял верховную власть в гуннском племени, расположившемся в Венгерской долине. В 445 году убил Бледу, взял всю полноту власти в свои руки, создал сильнейший союз племен, осуществил несколько грабительских походов, отличался не только выдающимся полководческим даром, но и государственной хваткой, хитростью, а также, если верить историкам тех времен, потрясающей сексуальной распушенностью.

Жен и наложниц у него было очень много. Некоторым из них это дело нравилось. Но не всем.

После катастрофы в битвах на Каталаумских полях в 451 году и в битве в верховьях Лауры в 452 году (здесь готский король Торисмунд нанес ему второе поражение) Атилла решил в очередной раз жениться. На свадьбе он перепил, тоже по обычаю, и ночью захлебнулся в собственной крови, «которая обыкновенно шла у него из ноздрей», а по иной версии, его задушила невеста, «девушка замечательной красоты по имени Ильдико», бургундка, отомстившая за поражение своего народа.

Какая смерть была предпочтительней для самого Атиллы, сейчас уже и не скажешь, но, думается, что, зная свой недуг, вождь гуннов держал бы в своей опочивальне специального слугу. Мы все-таки склонны считать верной вторую версию. Хотя и силен был Атилла в поединках, в битвах и в сексуальных делах, а может быть, он и красив был, и любили его жены – женщины из разных племен – пламенно и страстно, но одна патриотка из Бургундии нашлась и если не самолично прикончила «бича Божьего», то и «не догадалась» перевернуть его на бок либо позвать королевских прислужников.

Красавица Ильдико мстила за свой народ, но, думается, и среди обитательниц Восточной Европы желающие убить Атиллу были.

А по Великой Степи шли и шли с Востока гонимые злыми ветрами так называемого Великого переселения народов все новые и новые племена. В VI веке самыми сильными из них были, пожалуй, авары. Вот уж от них-то женщинам до-

сталось!

## За что били дулебок

Авары, тюркские племена, впервые упомянуты в отчете Приска Панийского о посольстве к гуннам в V веке. Существует предположение, что их потеснили тюрки из Южного Приуралья, где, как мы уже говорили, несколько веков назад заканчивалась с восточной стороны область кочевий сарматов, «управляемых женщинами». Аварами женщины управлять не могли. В середине VI века эти кочевники форсировали Волгу, одно время воевали за Византию, затем ворвались в Паннонию, разгромили гепидов и осели здесь, основав Аварский каганат во главе с прекрасным полководцем каганом Баяном.

Авары укрепили центр своей державы системой крепостей, «хрингов», и стали совершать опустошительные набеги на племена и страны Европы от Закавказья до Эльбы и от Адриатики до Дона. К женщинам они относились с жестокой непочтительностью, о чем говорят их походы на племенной союз славян-дулебов, обитавших в Западной Волыни. Степняки сначала грабили и убивали непокорных, затем издевались над женщинами. Откормленные сильные воины садились в повозки, три-четыре женщины тащили их из последних сил, а здоровенные мужики били их плетками по спинам, по бокам, по рукам и ногам.

Женщины-дулебки молча переносили побои, мечтая

только об одном: чтобы озверевшее мужичье им лица не испортили. Эти катания дулебки запомнили на всю жизнь. А жизнь в «аварском ареале» с VI по VIII века проходила под знаком великого страха: а вдруг опять налет, вдруг опять грабеж и насилие... и плетками по лицам женщин?!

Лишь в конце VIII века народы Европы одолели аваров. Карл Великий в очередном своем походе ворвался в Паннонию, захватил и уничтожил самые главные «хринги».

История бандитствующих аваров, заменивших на этой «должности» таких же бандитов-хуннов, хранит много пока не разгаданных тайн. Одна из них – злобное отношение к женщинам, которое одним лишь степным происхождением женоненавистников не объяснишь.

Вероятнее всего, авары когда-то, еще до своего вторжения в Восточноевропейскую степь, крепко получили от женщин-воительниц либо от племен, «управляемых женщинами». Для воина победа есть смысл жизни. Терпеть поражения от любого противника тяжело. От женщины – тяжелее всего на свете.

Впрочем, это всего лишь авторская попытка объяснить чрезмерную даже для аваров дикость по отношению к женщине.

Завершая главу и выходя за пределы так называемого Великого переселения народов, необходимо напомнить читателю о том, что рассказы о своих отечественных воительницах приводят такие историки, как, например, Козьма Пращский

(«Чешский Геродот»). Легенды о них существуют у чувашей, других народов России. Археологи находят могилы с телами вооруженных женщин по всей территории Великой Степи.

Да, строгие ученые утверждают, что все рассказы позднейших историков являются слегка переделанными слепками с рассказов Геродота. Не вдаваясь в полемику с видными профессионалами, можно лишь вспомнить о том, что как бы женщины разных стран мира не отличались друг от друга физически, физиологически, психически и психологически, они имеют одно объединяющее их всех качество, хорошо известное им самим и всем мужчинам земного шара. Именно это «женское, слишком женское» (слегка перефразируя Ницше) и является доминирующим двигателем, первопричиной всех ее поступков.

А значит, где бы ей не захотелось взять в руки оружие и пойти войной на ненавистный ей род мужской, она с разными вариациями закончит тем же, чем закончили все амазонки планеты Земля всех времен.

И не Козьма Пращский, и не другие авторы-хронисты и «передатчики» народных преданий повинны в том, что их истории чем-то напоминают Геродотовы, а то самое «женское, слишком женское», которое из обыкновенного существа женского пола и создало женщину.



# На перепутье

В VI–VII веках славянские племена оказались перед сложнейшей проблемой выбора стратегии жизни. Теснимые могучими потоками кочевых племен, надвигавшихся из-за Волги упругими волнами, часть их, как говорится, поплыла по течению, приняв активное участие в частых, повторяющихся миграциях на земли Балканского полуострова и даже в Малую Азию. Другая часть стала активно осваивать лесные массивы Восточной Европы, где обитали финно-угорские племена и куда самые дерзкие из великих переселенцев ходить не решались. Зачем? Чтобы работать в поте лица, добывая хлеб насущный? Не-ет! Воинам мирный труд противопоказан. Они тянулись ближе к теплым, давно обихоженым странам, побеждали их и грабили. Были среди таких и славяне, и, странно, они заметно отличались от своих соплеменников, осваивавших лесную зону, в том числе и по отношению к женщинам.

Например, еще в 626 году славянки участвовали в осаде Константинополя в составе войска аварского хакана. Не дождавшись своего союзника, персидского полководца Шахраваза, хакан 7 августа послал воинов на штурм великолепной крепости. Он разделил свои силы на две части и атаковал столицу Византийской империи с моря и с суши. Защитники Константинополя нанесли нападающим сокрушительное

поражение. Авары и их союзники славяне поспешно бежали, оставив у крепостных стен горы трупов. Среди них победители нашли много женщин. Шахраваз, естественно, увел свое войско в Персию.

Это были одни славяне. О них Н.М. Карамзин пишет:

«Древние писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сжигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением христианской веры, введено было славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность, ужасная не менее самого злодеяния! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, от того, что мужья обыкновенно покупали их: обычай, доныне соблюдаемый в Иллирии. Удаленные от дел народных, славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти...»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1–4. Калуга, 1993. С. 40–41.

У этих славян процветала кровная месть, мать имела право умертвить дочь, если семья была многочисленной, но только не сына – будущего воина.

Вдумчивый читатель уже заметил некое несоответствие, если не сказать противоречивость, обычаев славян даже по отношению к женщинам, что легко объясняется многообразием и множеством самих славянских племен даже в отдельных регионах Восточной Европы.

Н.М. Карамзин приводит слова Нестора «о нравах славян российских», которые лучшим образом иллюстрируют данную мысль. «Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем; стыдливость украшала их жен; брак издревле считался святою обязанностью между ними; мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою; в распрях и ссорах убивали друг друга; не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили и похищали девиц. Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравами древлянам; также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных; но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе; многоженство было у них в обыкновении»<sup>2</sup>.

Такими разными были славяне, осваивавшие разные реги-

---

<sup>2</sup> Там же. С. 41.

оны Европы и Малой Азии (куда, например, в начале VII века мигрировали в результате одного лишь похода около 200 тысяч славян). А если учесть, что обихаживали они земли, на которых (далее речь пойдет о славянах, сотворивших в Восточной Европе Русское государство) жили столь же разные племена, что заметную роль в становлении всего русского на том этапе истории сыграли самые разные великие переселения, а чуть позже – варяги, то можно представить, в каком котле «работал миксер истории», создавая основы не только государства, но и интересующего нас в данной книге образа прелестной россиянки.

На распутье оказался Кий, старший брат Щека, Хорива и сестры их Лыбеди. Не все ясно и однозначно в истории этого семейства. Сидел Кий на горе, возле перевоза Боричев через Днепр; Щек сидел на горе Щековица, Хорив на третьей горе – Хоривице. Четвертой горы не было. Где сидела сестра их Лыбедь – не понятно.

Согласно одной из версий, Кий был княжеского рода. Некоторые летописцы сравнивают его с Александром Македонским. Другие, правда, называют Кия с некоторым пренебрежением перевозчиком, забывая, что далеко не все, в том числе и славянские, монархи и основатели великих городов и даже династий обязательно были выходцами древних и знатных родов. Так или иначе (Кию видней), но, согласно народному историческому преданию, колянский князь Кий посетил, заложив Киев, самого византийского императора (либо

Анастасия, правившего в 491–518 годах, либо Юстиниана I, возглавлявшего великую державу в 527–565 годах). Некоторые ученые считают сей акт выдающимся достижением Кия, с гордостью за него напоминая всем, что сразу после посещения императора полянский князь основал новый город Киев на Дунае, решив перенести сюда свою столицу. Странная какая-то гордость!

Опасаясь за свои северные границы, византийский монарх вполне мог предложить Кию построить на Дунае крепость для отражения налетов на Византию тех же аваров, например. И Кий, князь он был или перевозчик, безразлично, согласился с этим, но вовремя одумался, вернулся в Киев на Днепре. И вдруг все три брата и сестра их Лыбедь умирают. Почему же вдруг? Да потому, что умерли они в один день! Иначе у летописцев обязательно появились бы какие-то сведения о том, как развивались события после смерти того или иного брата и сестры их Лыбеди. А умереть они в один день могли по самым разным причинам.

Существует критикуемая многими учеными версия о том, что знаменитая «киевская четверка» являлась разбойничьей шайкой в великом Новгороде. Храбрая и весьма красивая Лыбедь участвовала во всех разбоях. Но однажды новгородцам удалось захватить трех братьев, сестру и всю их банду. Много лет их держали в темнице, а хотели повесить, но новгородский князь Олег помиловал их и отпустил с миром. Они отправились на юг по Днепру и остановились у трех из-

вестных уже читателю холмов, чтобы основать город Киев.

«Разбойный» вариант сразу же отмечается добропорядочными специалистами, позабывшими, что тот же Рим основали обыкновенные бродяги, бомжи, говоря современным языком, но какой бы из приведенных и неприведенных вариантов мы не взяли за основу, везде фигурирует на равных правах, хотя и на последнем месте, Лыбедь, сестра основателей Киева, судьба которой могла бы прояснить некоторые моменты из жизни, например, княгини Ольги. К сожалению, источники ничего не говорят о жизни Лыбеди, о ее роли в жизни братьев.

# Ольга

В судьбе киевской княгини Ольги переплелись две линии: женская, не совсем благополучная, и государственная, не всеми историками до сих пор оцененная по достоинству. Не так много в ее жизни было тайн, хотя секреты, и женские, и государственные, конечно же, были; и одна из тайн – о происхождении будущей жены Игоря, матери Святослава, регентши во времена его малолетства, а по сути – крупнейшего политического и государственного деятеля Восточной Европы своего времени, – не поддается рассекречиванию даже мудрейшим аналитикам. Такая это была женщина!

Согласно многим памятникам древнерусской литературы, Ольга родилась в Псковской земле в селении (веси) Выбуто в незнатной семье. В Иоакимовской летописи, дошедшей до нас в изложении В.Н. Татищева, историка, жившего в XVII–XVIII веках, Ольга принадлежала к знатному роду новгородского князя Гостомысла, пригласившего в свое время варягов в Восточную Европу. В других литературных памятниках говорится о якобы болгарском происхождении Ольги. Многие ученые выводят род княгини от варягов...

Знатная – не знатная. Псковитянка – варяжка – болгарка. Почему так много версий? Так уж ли это важно, где и в какой семье родилась Ольга? Да, очень важно. История Восточной Европы, Киевской Руси, Русского государства и

России сложна в своем продвижении от века к веку. Каждое столетие вносило коррективы в жизнь великих и простых людей, меняло социальные и политические приоритеты... Князьям-Рюриковичам, например, не очень мог понравиться тот факт, что Ольга была псковитянкой, да еще и безродной, а не знатной варяжкой.

Но мы не будем спорить с учеными и тем более предлагать свои версии о происхождении Ольги, а лишь поведаем одну из них, на наш взгляд, самую романтическую.

На родине, в селении Выбуты, эту женщину звали по-славянски Прескрасой за красоту, доброе сердце и чуткую душу. И за трудолюбие. Согласно включенному в «Степенную книгу» житию св. Ольги, до замужества она работала гребцом на переправе и была физически очень сильной. Что ж, если верить преданиям, князь Кий тоже трудился на переправе. А первый чешский князь Пржемысл долгое время пахал в лаптях землю. То же самое делал Осман I, основатель династии турецких султанов. И таких примеров в истории человечества много.

Изначальная должность будущей правительницы огромного государства располагала к мудрым беседам с разными людьми, к накоплению житейского опыта, который впоследствии так ей пригодится. И это очень хорошо, что однажды на переправе оказался по случаю Игорь, сын Рюрика. Он увидел удалого гребца и поначалу даже не догадался, что это – девушка. А как подошел поближе к лодке да увидел



бойкую и сильную Прекрасу, так и обомлел.

Вполне может быть, что молодые люди в тот миг полюбили друг друга самой счастливой в жизни любого смертного любовью с первого взгляда. В сухих летописных сводах составителям было не до лирики, и любовных романов в те века в Восточной Европе еще не писали, но семейная линия жизни Прекрасы-Ольги-Елены говорит о том, что любить она могла не хуже Пенелопы.

По другим сведениям, жену Игорю нашел Олег, который долгие годы управлял страной после смерти Рюрика, передавшего ему на смертном одре государство и сына.

После свадьбы в 905 году Прекраса стала называться Ольгой, в честь Олега, а этот факт говорит о высоком авторитете регента, об уважении к нему. Так или иначе, но Игорь в последующие годы не домогался власти, а жена не торопила его. Страной правил мудрый Олег. Умер он в 912 году.

Князь Игорь правил большой страной до 945 года. Боевой был князь. Водил дружину на юг, в Южнорусскую степь, два раза – в Константинополь, заключал выгодные договоры, привозил в Киев богатую добычу. Жена-красавица радовалась подаркам. Об участии Ольги в управлении, о влиянии этой женщины на политику мужа до рокового 945 года летописцы говорят очень мало, и в этом, быть может, повинна сама Ольга – зачем, в самом деле, мешать мужу из знатного варяжского рода своими подсказками. Вот и копила Ольга тихо-мирно до поры до времени государственный опыт для

будущих великих дел. Хорошо известно, что теоретически научиться кататься на лошади, или на велосипеде, или на автомобиле невозможно, нужна практика.

В 945 году пришли к Игорю воины его и сказали, что пора за данью к древлянам идти, обносились совсем, одеться не во что. Бедные такие воины. Год назад всего вернулись они с богатой добычей из роскошной Византии. Целый год прошел, двенадцать месяцев. Кончилась добыча, одежда истрепалась, есть не на что.

«Пойдем, князь, за данью, и себе добудешь, и нам», — упрямые, изголодавшиеся дружинники надоели Игорю. Да и Ольга по дарам истосковалась, не стала она отговаривать мужа.

И он пошел с дружиной в город Искоростень.

Древляне выложили дань беспрекословно. Дружина у князя была большая. Он вспомнил о том, как трепетали перед ним византийцы, соглашаясь почти на все требования, и прибавил к прежней новую дань. Древляне покорно исполнили повеление Игоря.

На обратном пути, на поляне густого леса, Игорь сказал воинам: «Ступайте домой, я пособираю еще».

Узнав об этом, древляне собрались у своего князя Мала на совет. Тот сказал: «Если повадится волк к овцам, то перетаскает все стадо, пока не убьют его». Не сразу решились на отчаянный шаг жители Искоростеня, пытались они миром договориться с Игорем, но тот был упрям: дань ему новую

подавай! Опытные люди пытались убедить молодых древлян не убивать князя киевского, но молодые не прислушались к голосу разума, убили Игоря, похоронили его в Деревской земле.

И началась история Ольги. Было ей в тот год далеко за пятьдесят. Но красу свою она сберегла, да опыт житейский накопила. Самое время великие дела вершить.

Гордые древляне отправили послов в Киев сватать Ольгу за князя Мала. Этот ход может показаться странным: победители идут на поклон к побежденным. Этот ход дает целый веер версий о происхождении Ольги, о внутривосточной ситуации в Восточной Европе, о силе славянских племен, о сложнейшем положении, в котором оказалась вдова Игоря. Как же поведет она себя со сватами?

Княгиня встретила гостей с доброй улыбкой. «Любезна мне речь ваша, – ответила она на предложение сватов, – мужа моего мне не воскресить, но хочу воздать вам завтра честь перед людьми: идите к своей ладье и ложитесь спать, а утром придут люди, вы им говорите: “Не едем на конях, не пеши не пойдем, но понесите нас в ладье”».

Древляне доверились красивой женщине – странные они были люди. Или действительно силу за собой чувствовали? Проснулись они утром, умылись в днепровской воде, сели в ладью. Слуги Ольгины облепили со всех сторон судно и понесли его по городу. Гости подбочились, грудь колесом, знай наших, древлянских. Ольга стояла на высоком крыльце

с сыном Святославом. Хороша будет жена Малу. Мальчонку можно не бояться. Если станет гонор показывать, то и за отцом его можно отправить.

Поднесли слуги ладью в центр двора и по команде старшего бросили ее в глубокую яму, которую за ночь выкопали киевляне. Подошла княгиня к яме, где стонали от ушибов гости, спросила: «Хороша ли вам честь?» И услышала грустные голоса: «Пуще Игоревой смерти». Ольга приказала закопать пленных живьем, а в землю древлянскую отправила опытного человека, который передал им, что княгиня просит прислать к ней лучших мужей – иначе киевляне не пустят ее. Такой свадебный обычай в Киеве. Древляне даже не поинтересовались, куда запропастились послы, прибыли в Киев. Ольга – обольстительная женщина! – встретила их у ворот города и сказала, что по обычаю гостям надо сначала в баню сходить. Зашли древляне радостные в баню, но не успели раздеться, как услышали скрип закрываемой снаружи двери и тихий стон засова. А затем услышали они треск и шум огня. Вырваться из огненной душегубки никому из лучших древлян не удалось.

А Ольга, как ни в чем не бывало, послала в Искоростень письмо, в котором просила приготовить на могиле мужа «меды многия», чтобы сотворить «тризну по муже своем», и с небольшим отрядом телохранителей отправилась в Искоростень.

Древляне встретили ее как невесту своего князя, не дога-

дываясь о невиданном в этих краях коварстве. Она прибыла на могилу, повелела насыпать над ней большой холм, и пока работали воины, княгиня стояла рядом и о чем-то сурово думала. Вырос могильный холм, совершили по Игорю тризну, сели люди за сколоченные тут же столы. Ольга улыбалась, потчевала всех медом да пивом, и никто из древлян не замечал, что гости почти не пьют, а Ольгино лицо хоть и улыбочное, но напряженное, и холодом могильным веет от него.

Лишь спросил один воин сметливый: «Где дружина наша?» Ольга мило ответила ему: «Идет за мной дружина вместе с дружиной Игоря». Поверил воин и обрадовался, что сильнее теперь будет войско у древлян.

Под вечер хозяева, видно зельем опоенные, уснули крепким сном, а киевляне по знаку княгини перерезали всех до единого числом пять тысяч человек. Без боя княгиня нанесла противнику огромный ущерб! Древляне потеряли лучших людей, лучших воинов, но были они еще очень сильны.

Ольга не успокоилась на достигнутом и весной 946 года пришла в Деревскую землю с большой дружиной. Древляне встретили ее в чистом поле, но проиграли битву, рассыпались по Деревской земле, по городам и крепостям. Ольга подошла к Искоростеню. Несколько раз воины пытались овладеть крепостью штурмом, но защитники сражались отчаянно, понимая, что сделает с ними коварная мстительница.

Осада тоже не удалась. Настало время переговоров.

«Больше уже не хочу мстить вам», – сказала Ольга послам.

«Что хочешь от нас? – спросили они. – Дадим тебе мед и меха».

Ни меда, ни мехов не потребовала Ольга, а лишь по три голубя и по три воробья со двора. Удивились древляне, обрадовались, собрали по три голубя со двора да по три воробья. Ольга поблагодарила их, пошла в Киев. Но вечером остановила она своих воинов, раздала им птиц, повелела привязать к лапкам трут, обернутый платочками, поджечь его и пустить живые факелы в небо.

Голуби и воробьи устремились к своим жилищам и под стрехи домов. Город вспыхнул сразу во многих местах. Люди выбегали из крепости, Ольгины воины хватали всех. Город сгорел. Старейшин взяли в плен, многих воинов убили. Кого-то отдали в рабство дружинникам Ольги.

После разгрома древлян Ольга стала, по сути дела, регентшей при малолетнем сыне, хотя править в Киеве до совершеннолетия Святослава могли, согласно обычаям, только мужчины.

Начало государственной деятельности княгини было суровым. Жестоко расправившись с древлянами, Ольга напугала всех, кто мечтал отколоться от Киева. Это был верный ход, хотя и жестокий. Так поступали в разные времена и в разных странах многие правители, на долю которых выпадала необходимость бороться со смутой. Но не все из них добивались полной прочной победы, потому что, как правило, успех зависел не столько от суровых мер, сколько от следу-

ющих за ними ходов повелителей.

Запугать людей можно. Но редко кому удавалось долгое время править запуганными, тем более на стадии становления государства. Каким же был следующий ход Ольги?

Вскоре после умирения Искоростеня она с дружиной и с четырехлетним сыном отправилась в поход по своим владениям. Но не воевать и жечь селения хотела она, а устанавливать порядок. Рюрик, Олег, Игорь по разным причинам не сделали то, зачем призывали их, согласно летописным сведениям, вожди Новгородской земли. Гибель Игоря показала всем, что положение варягов не столь уж и прочное, что не такие уж они и сильные. Огонь войны мог вспыхнуть в любую минуту. Оказавшись в подобном положении, какой-нибудь любитель помахать мечом и пострелять из лука продолжил бы боевые действия, не ожидая ответного хода побежденной стороны.

Ольга тоже не стала ждать. В том походе она, конечно же, показала силу княжеской дружины, но главное было в том, что грозная правительница провела первую на Руси государственную реформу. Она установила приемлемый для всех размер ежегодной дани, «урок», и точный порядок сборов. Кроме этого, Ольга приказала строить неподалеку от городов и крупных поселений становища и погосты для воинов, сопровождавших сборщиков налогов. Эти небольшие крепости со временем разрослись в города, которые стали центрами Русского государства. Страной городов – Гардарикой –

станут называть Киевскую Русь иностранцы. Эту страну начала создавать Ольга.

Нововведения вдовы Игоря понравились славянам и другим племенам и народам Восточной Европы. Положение в стране стабилизировалось. Ольга, преподав мужчинам великолепный урок на тему «организации порядка», создала фундамент единого Русского государства.

Внутриполитическая ситуация и положение Ольги как правительницы настолько укрепились, что сразу же после похода по стране она принимает приглашение императора Византийской державы и отправляется в трудное даже для мужчин путешествие в город Константинополь. Русское посольство прибыло в Суду, гавань столицы Византии. Константин VII Багрянородный решил, видимо, показать архонтиссе русов (так называл он ее в своих мемуарах), кто есть кто, и заставил женщину два месяца ждать аудиенции. Ольга злилась, возненавидев императора. При встрече с ним она свой гнев сдержала, но переговоры в тот год не удались, и оба правителя остались недовольные. Злая Ольга вернулась в Киев. (Здесь стоит оговориться: некоторые ученые считают, что мать Святослава была в Константинополе один раз и позже.)

Вскоре из Византии прибыло ответное посольство. Оно по приказу княгини скучало в Почайне ровно столько, сколько провела в Суде княгиня. Чистая женская месть.

Прошло семь лет, в 953 году Константин Багрянородный



вновь пригласил архонтиссу русов посетить его с государственным визитом.

Княгиня тщательно готовилась к поездке, к новой встрече с византийским императором. Оба они были заинтересованы друг в друге. Княгиня все чаще подумывала о том, что Русь должна сменить языческую веру на христианскую, надеялась укрепить международное положение своей страны. В ожидании второго приглашения она, по данным некоторых ученых, посылала людей к германскому императору Оттону I, но, как считают историки, это был, скорее всего, дипломатический трюк. Императору Византии, в свою очередь, нужны были сильные отчаянные воины. Да, страна у Константина была богатая, пожалуй, самая богатая на земном шаре того века, если учесть, что Танский Китай к тому времени развалился. И порядок был в Византийской империи. И православная христианская вера. И много подданных. А вот воевать за то все: за державу, за богатства, за веру и святыни, за подданных – в Византии почему-то было некому. Вот незадача-то! У княгини Ольги не было многого из того, что имел Константин Багрянородный. Зато она могла абсолютно безболезненно для безопасности страны выделить все имеющему императору сильных воинов.

9 сентября 954 года в императорском парадном Золотом зале состоялась пышная церемония приема русского посольства. Многочисленная свита во главе с архонтиссой вошла в роскошный зал. По замыслу императора роскошь и велико-

лепие должны были смутить и напугать русов и их княгиню. Ее свита «остановилась на том же месте, где логофет (придворный распорядитель) предлагал послам обычные вопросы», и все люди Ольгины, как и предусматривалось этикетом, пали ниц. Княгиня падать не стала, разговаривала с императором стоя.

В тот же вечер состоялся парадный обед. Ольга гордо сидела между самыми знатными дамами, затем она была принята императрицей, в честь Ольги устроили торжественный выход придворных дам, гостью пригласили навстречу с императорской семьей. Подобные почести здесь редко кому оказывали.

Разные источники по-разному освещают встречи Ольги с Константином Багрянородным, но все они согласны с тем, что княгиня (между прочим, некоронованная особа, не христианка!) одержала блистательную дипломатическую победу.

Летописец Нестор в «Повести временных лет» зафиксировал одно из народных преданий о путешествии Ольги. В нем, в частности, говорится о том, что император предложил ей выйти за него замуж. Ольга, осторожная дипломатка, не отказала хозяину, но сначала попросила крестить ее. Константин VII, обрадованный, самолично крестил Ольгу, назвал ее дочерью. На следующий день он повторил предложение. Княгиня ответила: «Ты же сам крестил меня и назвал дочерью. У христиан такие браки не разрешаются, сам зна-

ешь!» Император грустно улыбнулся: «Перехитрила ты меня!» – и щедро одарил гостью, ее свиту.

Многое удалось в жизни княгине Ольге. В 964 году, устав от государственных забот, она передала бразды правления сыну Святославу, и Русское государство, почти не воевавшее около двадцати лет (тоже ведь заслуга Ольгины!), вошло в долгую полосу войн. Сын Игоря остался язычником, он совершил много великолепных походов и стал основоположником русской военной доктрины, первым великим русским полководцем. Но с матерью он не соглашался по многим вопросам внутренней и внешней политики и, видимо, даже не думал, какое великое дело было сделано ею.

Ольга умерла в 969 году, уговорив сына не совершать над ней языческой тризны. Сын исполнил волю матери, похоронил ее и поспешил из Киева на Балканский полуостров. Там он храбро сражался, осуществил много воинских подвигов, согласился на почетную ничью с императором Иоанном Цимисхием, забрал богатую добычу и пошел в Киев. По пути на родину, у Днепровских порогов, на его ослабленное войско напали печенег. Они разгромили русов, убили Святослава.

У всех, кого «обидели» киевские князья, появилась возможность отложиться от них. Конечно же, такие попытки были. Но большинство племен и народов, соединенных княгиней Ольгой в единое государство, бунтовать против Киева не хотели, потому что Прекраса-Ольга, после крещения Елены, дала им долгожданный порядок, хотя, конечно же, нель-

зя забывать и о Святославе, который в своих походах продемонстрировал силу киевских князей.

# Рогнеда Рогволодовна

В конце 70-х годов Владимир Святославич вернулся из Скандинавии, куда он бежал, проиграв междоусобную борьбу брату Ярополку, в Новгород. Да не с пустыми руками, а с крепкой дружиной. За два года, проведенных в древнем отечестве, он возмужал, приобрел военный опыт и решимость продолжить борьбу.

Изгнав из Новгорода посадников Ярополка, он отправил их к брату «с честным предупреждением: «Я против него вооружаюсь!» И одновременно он послал людей в Полоцкую землю, где правил варяг Рогволод, ставленник великого князя, потребовав у него руки красавицы Рогнеды. Варяг, понимая, чем ему лично может грозить отказ, передал требование Владимира дочери Рогнеде. Та грубо отвергла предложение, сказав, что она не станет разувать раба. Владимир знал о договоре между Рогволодом и Ярополком по этому же поводу. Рогнеда могла ответить и помягче. Она была слишком гордой для более мудрого ответа, который не взбесил бы нового поклонника, сына ключницы Малуши при Ольге.

«Незаконнорожденный», с точки зрения дочери варяга, Владимир Святославич поднял дружину, взял Полоцк, убил Рогволода, его сыновей, женился на его строптивой дочери, и она-таки разула раба! Этот факт говорит о том, что кровь варягов-правителей стала быстро размываться в семьях кня-

зей. Если верить псковской версии, то Святослав был уже наполовину варяг, наполовину славянин, Владимир – лишь на четверть (правда, на отцовскую четверть!) варяг. И вполне возможно, что «чистокровную» гордую варяжку еще и данный факт возмутил. Чистота крови, если мы вспомним, например, историю инков, да и детские и юношеские годы Вильгельма Завоевателя (мы еще вспомним о нем), – важный фактор в жизни некоторых государств и правителей. За ней следить и следить надо... Но как за ней уследишь?! Как сохранишь в безупречной первозданности, когда появляются такие герои!

Владимир, недолго думая, отправился войной на Ярополка, с помощью предателя Блуда заманил брата в свой теремный дворец, и там два наемных варяга убили великого князя...

В контексте нашего разговора важно то, что Ярополк, уже женатый на «прекрасной греческой монахине», которую захватил в плен еще Святослав, домогался руки Рогнеды. И та не отказала ему, хотя и женатому, но не рабу. То есть официальное многоженство в тот век было делом вполне естественным. Сколько жен разрешалось иметь любому смертному или тому же великому князю, сказать трудно, но и в этом вопросе дела у Рогнеды Рогволодовны и Владимира Святославича не заладились. По вине, справедливости ради сказать, мужа.

Потому что был он до принятия крещения просто выдаю-

щимся женолюбом, уступающим в этом деле разве что Соломону да инкам, которым любые женщины державы не только обязаны были отдаваться при встрече, но и безумно этого желать, как величайшего счастья.

Из вышесказанного ясно, что Рогнеде встречи с Владимиром Святославичем большого счастья не доставляли, но, когда он в открытую стал пренебрегать гордой женщиной, да еще и поселил ее отдельно, за Киевом, на берегу Лыбеди, тут уж она расвиrepела. Оно и понятно. Женщиной она была хоть и гордой, но очень красивой, и ей, конечно же, не могло понравиться то, что у ее законного мужа, от которого она родила Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, двух дочерей, были еще в наложницах жена Ярополка, родившая Святополка, законная супруга, чехиня или богемка, родившая Вышеслава, еще одна жена, родившая Святослава и Мстислава, и четвертая жена, болгарка, родившая Бориса и Глеба, а еще, согласно летописным сведениям, в Вышегороде он имел 300 наложниц, а в Белгородке – еще 300 наложниц, а в селе Берестове – еще 200 наложниц. А кроме этого, глаз у Владимира был верный: в какой бы месте не очутился по случаю князь (а разъезжал он по стране частенько!), всюду глаз его выхватывал из людской толпы красотку.

Не стерпела такого над собой издевательства Рогнеда, которая после свадьбы с Владимиром по его повелению получила новое имя Горислава, решила она убить изменника. Однажды явился он к ней на берег Лыбеди, уснул, усталый,

крепким сном, да не очень крепким. Она взяла нож острый в руки, замахнулась, но князь женские повадки знал хорошо. Еще бы ему их не знать! Одних наложниц имел он числом 800! Да каждая со своим норовом.

Отвел он удар, схватил жену, а та в слезы. Мол, не любишь ты меня и младенца Изяслава, Владимир оправдываться не стал, повелел жене законной брачную одежду надеть и ждать смерти.

Осталась у Рогнеды Рогволодовны одна надежда. На сына. Утром вошел князь с судьей в хоромы, где на богатом ложе сидела бледная жена, хотел сам привести приговор в исполнение, как вдруг откуда ни возьмись Изяслав, сын его и Рогнеды, предстал пред отцом, подал ему меч обнаженный и сурово изрек, мать спасая: «Я – свидетель!»

Испугался Владимир сына своего, младенца еще совсем, бросил меч да пошел на совет к боярам. Те попросили простить жену и дать ей в удел Полоцк, которым Рогволод владел.

Владимир так и сделал. Он построил город в Полоцкой земле, назвал его Изяславлем и отпустил туда жену с сыном. И на этом история гордой Рогнеды и ее мужа, выдающегося женолюба, не заканчивается, а скорее наоборот – только начинается. Ведь изгнанница к этому моменту еще не родила Владимиру всех его детей! А некоторые говорят, что ей совсем плохо жилось.

Впрочем, нельзя забывать и другую версию, согласно ко-



торой Рогнеда родила от Владимира единственного сына – Изяслава, род которого на протяжении последующих двух с половиной веков будет вести непримиримую борьбу с родом Ярослава, сына Владимира, получившего в управление не только Полоцкую, но и всю Русскую землю.

Н.И. Костомаров, комментируя пересказанное и нами предание о попытке Рогнеды убить Владимира, говорит о том, что «едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды». Кто тут прав? И так ли важно для русской истории это обстоятельство? Для истории – не важно. Для историков – важно. Потому что есть повод для бесед, споров, для поиска, для построения всевозможных логических цепочек, которые, как это ни странно, к движению истории Восточной Европы частенько не имеют никакого отношения.

Например, некоторые ученые связывают распрю между потомками Рогволода и его дочери Рогнеды с потомками Владимира и его сына Ярослава Мудрого именно с тем, что Изяслав и Ярослав не являлись единоутробными братьями. Конечно, и это могло стать одной из причин, не главной, между прочим. Сводить начало Великой распри на Руси, продолжавшейся с XI по XV век, к одному лишь женолюбию Владимира, наплодившего так много неединоутробных сыновей, будущих удельных князей, было бы неверно.

Междоусобица в Восточной Европе имела куда более веские причины. Женщины в данном деле не повинны.

Так или иначе, но свой суровый нрав Рогнеда показала

еще раз, уже после крещения Владимира, который, став примерным христианином, распустил свой гарем и разрешил дочери Рогволода вторично выйти замуж.

Гордячка отказалась и постриглась в монахини под именем Анастасия.

Умерла она приблизительно в 1000 году, еще совсем не старой.

Рогнеду-Анастасию, несостоявшуюся первую на Руси мужеубийцу, можно и пожалеть, как женщину. Владимир I Святославич хоть и сохранил ей жизнь, но искалечил счастье ее женское! А можно и возненавидеть ту варяжку, которая подняла руку на великого князя киевского, еще не ставшего отцом Ярослава, еще не крестившего Русь!.. Без полоцких князей, потомков Рогволода и его дочери Рогнеды, история Восточной Европы претерпела бы совсем незначительные изменения. Без Ярослава Мудрого, Ярославичей, Владимира Мономаха, Мономашичей и так далее вплоть до последних Рюриковичей она бы тоже состоялась и, вероятнее всего, шла бы по тем же путям и дорогам, но имела бы на каждом временном отрезке иных героев, иные подвиги и частные ошибки. И все-таки, почему Владимир не убил Рогнеду, а вместе с нею и Изяслава? Это – не праздный вопрос! Точный ответ на него поможет читателям и читательницам правильно оценить главные, направляющие характеристики того напряженнейшего исторического поля – Восточной Европы в IX–XII веках, – в котором жили, трудились, воева-

ли, детей рожали мужчины и женщины: славяне, финно-угры, степняки, прибалты и так называемые варяги. Русские летописи, составлявшиеся на протяжении различных исторических эпох: когда род Рюриковичей доминировал на политическом небосклоне Киевской Руси, когда Русское государство находилось в жесткой данной зависимости от Орды, в период формирования страны Московии, – а также и другие редкие источники, дошедшие до наших дней, подають историю неискушенным людям таким образом, будто действительно то была не история Восточной Европы, а история рода Рюриковичей. Недаром у некоторых специалистов появилась так называемая норманнская теория, защитники которой утверждают, будто и государство в этом регионе создали варяги, и всю-то историю дальнейшую делали в основном они.

Но так ли было в действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно точно установить демографические данные: сколько могла родить варягов та часть Скандинавии, из которой спускались в Восточную Европу «люди в кольчугах»; сколько рожала в те же времена (IX–XII века) Восточная Европа; сколько было на Руси чисто варяжских браков, семей, родов, династий; сколько было браков варяжско-смешанных?

«А зачем это знать в разговоре о Рогнеде, Изяславе и Владимире?» – спросит удивленный, а то и разочарованный читатель. А затем, чтобы понять причины довольно-таки мяг-

кого, если не сказать, слюнятьевского отношения Владимира к Рогнеде после той страшной для него ночи. Почему он не убил ее, а вместе с нею и ее сына как потенциального мстителя? Потому что, хоть и варяг-полукровка, он находился в чужой стране, варягов в ней было мало, они должны были держаться друг за друга, чтобы не вспугнуть варягов, готовых отправиться к ним из Скандинавии. В X веке потомкам Рюрика устраивать братоубийственную широкомасштабную свару, убивать друг друга было опасно. Они бы здесь не выжили. Именно поэтому Владимир советовался с боярами, а они ему присоветовали мир и спасли тем самым от расправы Рогнеду – первую русскую потенциальную «леди Макбет».

Рассказ о дочери Рогволода будет однобоким, если не напомнить читателям и читательницам версию о славянских корнях полоцкого князя, сторонники которой установили, что имя «Рогволод» означает немного-немало «владелец рога», то есть мыса. Принципиально происхождение отца и дочери ничего не меняет в наших оценках ее судьбы и деяний. Хотя вряд ли она, будучи славянкой, назвала бы рабом сына Малуши, которая была дочерью искоростеньского князя Мала, очень влиятельного, надо сказать, и авторитетного в том же славянском мире. Не отрицая этой версии, именно как версии, причем весьма слабо обоснованной, автор данных строк считает, что только чужак с хорошей родословной мог так обозвать Владимира. Ни у Рогволода, ни тем более у Рогнеды, будь они славянских корней, такого права не было!

# **Без женщин сыту не сварить (Легенда Белгорода на Ирпени)**

Город Белгород на реке Ирпени неподалеку от Киева впервые упомянут в летописи под 980 годом. Через одиннадцать лет Владимир Святославич укрепил замок в Белгороде, являвшемся важным пунктом в системе обороны столицы от набегов кочевников. В 997 году город осаждали печенеги, о чем до наших дней дошло нижеприведенное предание.

Владимир отправился в Новгород, чтобы пополнить дружину для войны с печенегами. Узнав о том, что киевская дружина покинула город, степняки подошли к Белгороду. Богатый был город, печенеги надеялись взять здесь хорошую добычу. Но овладеть крепостью штурмом не удалось. Они окружили город и выслали на север разведку, чтобы своевременно отслеживать продвижение дружины Владимира. А князь тем временем вел переговоры с новгородцами, никак не мог убедить их выделить воинов.

Белгородцы надолго остались один на один с противником. Враг не пускал к крепости никого, изредка штурмуя город – осажденные уверенно отражали атаки. Но вот голод подкрался в крепость. А с голодом воевать трудно, потому что этот враг ведет страшный бой с человеком изнутри, беспрерывно. Он поражает не сразу, но почти всегда наверня-

ка. Не было на земном шаре народа, который не испытал бы на себе муки голода. И редко кому удавалось одержать над голодом полную победу. Белгородцы держались до того момента, когда победа теряет всякий смысл, потому что одержать ее можно только ценой жизни: своей – ну здесь каждый волен решать сам, а вот за других, за близких и родных... волен ли решать человек? Волен, – говорят сильные люди, которые родились на свет лишь для того, чтобы побеждать всегда – любой ценой, ценой своей жизни, жизни любого человека вообще. Есть такие люди. Победа – смысл их существования.

Собрались люди на вече, стали думать, как быть. Еда кончилась, взрослые едва стоят на ногах, дети пухнут с голоду, умирают. Но печенеги убьют стариков и воинов, возьмут в рабство детей и женщин, разграбят, сожгут дома. Что делать? Нужно ждать Владимира. Он своих в беде не оставит. А если князь ничем не может помочь? Значит – бой до конца. Так говорили сильные люди. Но печенеги, озверев, возьмут город и всех – даже женщин и детей – убьют! Не лучше ли сдаться, выпросив у врага достойные условия, хотя бы пощадить детей? Дети – это жизнь. Они запомнят врагов, отомстят им. Жизнь – это тоже победа. Над смертью, над голодом. Так говорили некоторые.

Долго спорили белгородцы. Поздним вечером, решив сдаться, они разошлись по домам.

Об этом узнал седой старик, который уже совсем ходить

не мог, не дошел до площади, где было вече. Сын рассказал ему о решении земляков. Возмутился дед, хотел побить сына, да силушки не хватило подняться со скамьи, взять в руки колотушку. Повелел он позвать старейшин, сказал им: «Не сдавайте город еще три дня. Надо испробовать все способы. Соберите со всех домов хоть по горсти овса, пшеницы, отрубей. Что у кого осталось...»

Старец долгий век прожил: все мудрое, о чем слышал, что видел, он запоминал. Ходили к нему люди за советом. И сейчас они сделали так, как он повелел.

Принесли женщины на площадь все, что осталось у них. Приказал старец «сделать болтушку для киселя, выкопать колодец, вставить в него кадь». Удивились горожане – не чудит ли старый? Но выхода у них не было, все в точности исполнили они. Затем старик приказал вылить кисель в кадь, упрятать ее в глубокий колодец. И еще один колодец повелел он выкопать и отыскать в городе лукошко с медом, «сделать из него пресладку сыту» и вылить в кадь вторую.

Наутро воеводы пригласили печенегов на переговоры. Тот обрадовались степняки!

Пришли они на площадь. Встретили их красны девицы, румянами накрашенные, с виду очень даже не голодные, бойкие. Воины, воеводы и старейшины тоже были здесь. Усадили гостей за стол. Повели разговоры: «Зачем губите себя? Если будете стоять и десять лет, не одолеете нас. Стены Белгорода крепкие, а пищу нам земля-мать дает. Испро-

буйте на вкус».

Белгородский воин почерпнул болтушки для киселя из колодца, вылил в латки. Женщины сварили кисель – вкусная, сытная пища! Печенегам понравилась. Но еще больше им мед пришелся по вкусу. Ну и живут же люди в Белгороде!

А жители, не жадные по натуре, налили целую корчагу кисельного раствора и еще одну корчагу сыты из колодцев – в подарок князю печенежскому и его женам, – и с миром проводили послов до ворот.

Князь печенегов позавидовал белгородцам и увел войско в степь широкую кочевать да искать землю, которая сама бы давала кисель и сыту.

Да так и не нашел ее степняк, хотя с голоду от этого не умер.



# Царевна-лягушка

Одним из важнейших для исторического познания является всеми с детства любимая сказка. И как жаль, что, быстро взрослея, мы забываем о ней!

В качестве иллюстрации «демографической темы», затронутой в рассказе о судьбе Рогнеды-Анастасии, мы напомним читателям и читательницам один эпизод из всем известной сказки «Царевна-лягушка».

Два старших сына одного царя выстрелили из луков, стрелы полетели в терема, женились они на русских красавицах. Стрела младшего сына, Ивана-царевича, угодила в болото, «и вернула ему стрелу не русская девица, а заколдованная Царевна-лягушка». Российский историк Б.А. Рыбаков совершенно справедливо считает, что «сказочная встреча Ивана-царевича с лягушкой является фольклорным отражением соприкосновения русских дружинников или княжеских данников, вирников и емцов с местным мерянским населением. Вся страна, где скрывается Царевна-лягушка, это – болота, глухие леса с одинаковыми избушками, построенными колдуньями. Царевна-лягушка оказывается в каких-то родственных отношениях с этими колдуньями, схожими с Бабой-ягой»<sup>3</sup>.

В этой сказке отражены диффузионные процессы проник-

---

<sup>3</sup> Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 490.

новения сначала славян, а затем и русских дружинников в волго-клязьминский ареал, а также и в другие Восточноевропейские области: стрелы старших братьев Ивана-царевича выбрали места посуше. Не нужно иметь слишком уж буйную фантазию, чтобы догадаться о том, как часто летали во все стороны стрелы любви разных дружинников и как много было в Восточной Европе веселых свадеб, и как эти стрелы любви участвовали в формировании новой нации, и как быстро эта нация размывала в себе все чужеземное, в том числе и варяжское. «Земля есть корень всех существ», – было сказано одним из мудрецов Древнего Китая за 1,2 года до того, как в Восточной Европе каким-то варягом была пущена первая стрела любви.

## **Елизавета-Элисив. Старшая дочь Ярослава Мудрого (Ярицлейва)**

В битве при Стикластадире 29 июля 1030 года законный монарх Норвегии, конунг Олав, потерпел поражение от своих противников – соотечественников, недовольных проводимой им политикой укрепления центральной власти, и подержавшего их датского короля Кнута Могучего – и сам пал в жестокой сече. Много сторонников Олава погибло в сражении. Его сводный брат, Харальд, сын Сигурда Свины, пятнадцатилетний юноша, бился изо всех сил, привязав рукоять меча к еще не крепкой ладони, получил несколько ранений, чудом остался в живых.

Верные люди спасли его, перевезли в лес, где известный бонд (крестьянин, зажиточные бонды выступали в той битве против Олава) подлечил юношу, поставил на ноги.

Остаться в Норвегии Харальд не мог. Кнут Могучий посадил на норвежский престол своего сына. И отправился Харальд в Гардарику (страну городов – так называли в Скандинавии Киевскую Русь), где правил конунг Ярицлейв – Ярослав Мудрый, у которого несколько лет назад уже находил приют Олав. Юноша надеялся, что и ему поможет конунг русов. Он не ошибся.

Ярослав встретил гостя хорошо. Дал ему вместе с Эйливом, сыном Регнвальда, крепкую дружину, доверял им важ-

ные ратные дела. Они воевали удачно и смело. Возвращаясь из походов, на пирах, воины шумно вспоминали подвиги, сочиняя боевые висы. Харальд тоже был поэтом – иначе и быть не могло в те века великих песнесказителей и воинов. Он читал свои прекрасные висы и хотел, чтобы слышали его сильный голос Ярицлейв, жена его Ингигерд (Ирина в замужестве) и дочь их Элисив (Елизавета). Он – человек боя, смелый вождь – робел, тщательно скрывая свои чувства ото всех и от Элисив, всякий раз, когда она с улыбкою смотрела на высокого воина-поэта.

Шумные пиры бывали у Ярицлейва. Но шум и суета не могли обмануть, отвлечь опытную Ингигерд от главного. У нее три дочери на выданье. Отвлекаться некогда. Она быстро раскусила Харальда и, как сказано в «Саге о Харальде Суровом», сказала об этом мужу.

Ярицлейв был не против отдать дочь за столь удачливого воина, но не сейчас.

Прошла зима, отшумело грозами лето, Харальд совершил удачный поход на Ляхов, вернулся с победой и добычей, а после обычного шумного пира, утром, они с Ярицлейвом надолго уединились.

Они говорили о деле важном. Письменного или словесного договора заключать не стали, не клялись друг другу, не целовали крест, но между ними уговор, и нарушать его – молодой, воинственный и мудрый, сдержанный – не собирались.

Жена Ярицлейва узнала об уговоре и сказала об этом дочери. Элисив обрадовалась.

Вскоре ладьи верингов (так называли варягов в Византии) отплыли из Киева в Константинополь.

В упомянутой саге поведано о воинских подвигах Харальда и его верных верингах, находившихся на службе у византийской императрицы Зои Порфирородной более десяти лет. За эти годы сводный брат Олава Святого совершил несколько десятков удачных походов, взял около 80 городов, проявив лучшие качества крупного военачальника. Возвращаясь из походов, он щедро делился добычей с воинами, часть оставлял на содержание дружины и, естественно, с дозволения императрицы; отправлял огромные богатства на сохранность Ярицлейву. По уговору между ними.

А еще он писал чудесные висы. В том числе и знаменитые «Висы радости» своей возлюбленной Элисив-Елизавете, дочери Ярицлейва и Ингигерд.

Императрица не хотела отпускать удачливого полководца в Скандинавию, где после смерти Кнута Могучего у Харальда появилась возможность занять норвежский трон. Этому, кроме всего прочего, сопутствовало и изменение настроения бондов, натерпевшихся от норвежских повелителей. Такого момента Харальд упустить не мог. Зоя, узнав о планах веринга, арестовала его вместе с самыми преданными людьми, посадила чужеземцев в башню. Лишь чудо помогло в ту ночь скандинавам... и щедрость Харальда, который, вернувшись

однажды из похода, рассчитался с вдовой одного из погибших своих воинов, жителей Константинополя, и нанял на свои деньги прекрасного врача, вылечившего ее сына. Теперь настал черед вдовы. Она, рискуя жизнью, помогла Харальду и его друзьям вырваться из смертельной ловушки.

И вскоре он прибыл к Ярицлейву.

Конунг русов, мудрый Ярослав, выполнил условия договора. Он сохранил все богатства Харальда, выдал за него Элисив, выделил богатое приданое, и жила дочь киевского князя, жена конунга Норвегии, счастливо, но не безмятежно, около двадцати лет. Почему же не безмятежно?

Да потому, что слишком часто воевал «последний король моря», последний крупный викинг, слишком напряженной была обстановка в Варяжском море, да и в «островной Европе». Родила Элисив двух дочерей, наследника не родила. Да, видимо, ее это не особенно волновало. Даже по скупым на любовную лирику строкам «Саги о Харальде Суровом» можно понять, какое неземное чувство связывало души этих двух людей, один из которых обязан был воевать, другой, то есть жена его, – ждать и надеяться.

В свой последний поход – на Альбион – Харальд Суровый, один из лучших полководцев XI века в Европе, а то и на всем земном шаре, собирался особенно тщательно. Уверенный в победе, он взял с собой Элисив, двух их дочерей, Марию и Ингигерд, сына от другой жены – Олава. Старшего сына Магнуса Харальд объявил королем Норвегии.

Огромный флот Харальда Сурового взял курс на Альбион, остановился на Оркнейских островах. Здесь конунг оставил любимую жену и дочерей и отправился дальше вдоль берегов Шотландии на юг. Норвежское войско высадилось на берег, захватило Кливленд, одержало несколько побед, но главную битву Харальд Суровый проиграл. Это случилось неподалеку от Станфордабрюггере (Стамфорд-Бридже) 25 сентября 1066 года. Король Англии Гарольд, сын Гудвина, разгромил норвежское войско. Харальд в битве погиб.

Через 19 дней, 14 октября, в битве при Гастингсе, герцог Нормандии Вильгельм Мусекон-порожденный, хорошо знавший сестру Элисив – вторую дочь Ярицлейва Анну, разгромил войско Гарольда, сына Гудвина, и начал прекрасно спланированное и хорошо подготовленное завоевание Альбиона. Эта акция даст ему имена Победитель, Завоеватель, но другое имя – «Побочный» – он будет помнить до конца дней своих. Так называла его Анна Киевская, королева Франции, младшая сестра Элисив.

Завоевание Альбиона откроет новую страницу в истории Европы и Средиземноморья.

Но старшая дочь конунга русов не заинтересовалась этими знаковыми геополитическими событиями.

Слухи о победах Вильгельма сына Роберта Дьявола, ставшего королем Англии, доходили до Элисив. Она относилась к ним равнодушно. Ее не интересовали дела королей, кня-

зей, императоров, она жила в доме, построенном еще при Харальде на скалистом берегу моря, иной раз выходила по вечерам под навес, где когда-то англичанин Тости уговаривал ее мужа пойти войной на Англию, и вспоминала его «ви-сы радости»:

Корабль мой объехал Сицилию;  
Оружие наше блистало;  
Черный корабль, нагруженный воинами,  
Рассекал морские волны,  
Послушный воле наших надежд.  
Жажда бить, я думал,  
Что ничто не может противиться моим желаниям,  
Но русская дева  
Пренебрегла мной.

Я бился с жителями Тренделага,  
Их было больше нас,  
Мы выдержали жестокую битву.  
Я – еще совсем молодой –  
Оставил на поле битвы труп конунга,  
Закаленного годами.  
Но русская дева  
Пренебрегла мной.

Однажды нас было шестнадцать на корабле;  
Буря раздула паруса.



Корабль захлебывался под тяжестью волн,  
И мы одни столкнули их в море.  
Жаждая битвы, я думал,  
Что ничто не может противиться моим желаниям,  
Но русская дева  
Пренебрегла мной.  
Я изучил восемь упражнений,  
Битвы для меня нипочем,  
Ни один конь не выбьет меня из седла,  
Ловко я умею плавать,  
Отлично стою на коньках,  
В метании дротиков, в управлении веслом  
Я не знаю равных,  
Но русская дева  
Пренебрегла мной.

Нет ни одной вдовы,  
Ни одной девушки,  
Которая не знала бы,  
Что во всех странах юга  
Первые лучи солнца  
Всегда заставляли меня  
На поле битвы;  
Храбро рубился я мечом,  
Есть свидетели моих подвигов.  
Но русская дева  
Пренебрегла мной.

Я рожден в горах, там звучат

Тетивы луков и шумят стрелы,  
Корабли мои – ужасы народов,  
Их кили трещат на скрытых вершинах  
Подводных скал,  
Вдали от человеческого жилья.  
Я избороздил широкими  
Линиями все моря.  
Но русская дева  
Пренебрегла мной.

Прочитав эту замечательную вису в переводе автора XIX века, можно сделать парадоксальный вывод о том, что всю свою жизнь Харальд бегал наперегонки со своей судьбой да так и не догнал ее, не успокоился до тех пор, пока она терпела его, хоть и пренебрегала им.

Может быть, об этом думала и Элисив (Елизавета, дочь Ярослава Мудрого), смирно доживая свой век в доме на скале у моря.

# Анна Ярославна – королева Франции

Хорошо жила-поживала под Харальдом Суровым Элисив-Елизавета, милая душа, скромная, но не слабая, не плаксивая. И конунгу Норвегии с ней было хорошо. Знал он, воинственный и нежный («Висы радости» грубиян не напишет), что дома, на берегу скалы у моря, шумного, как вся его жизнь, ждет его радость великая, жена Элисив. Сильным был «последний морской король», последний «бродяга моря», последний викинг, и сила эта подпитывалась постоянно нежной энергией милой жены. Идиллия, честное слово! Какой царь-король-император не мечтает о подобных подданных?! Элисив – высочайший образец подданного!

А младшая сестра ее, Анна?

Она родилась между 1024 и 1032 годами. Киевская держава приближалась к апогею славы и могущества, хотя опытный политик уже в эти годы мог бы догадаться, что пора расцвета и стабильности будет в Восточной Европе кратковременной и непрочной: слишком уж шаткими были дела в окружавшем Русское государство мире, слишком быстро накапливались противоречия внутри стремительно разрастающегося дома князей Рюриковичей.

Но вряд ли жена Ярослава мудрого, варяжка Ингигерд, имела возможность мыслить объемно, планетарно. Многие женщины, в том числе и россиянки, отличаются конкрет-

ным мышлением и некоей замкнутостью, которая, впрочем, часто бывает конструктивной, созидательной, а то и взрывоопасной, когда в результате активной деятельности в этом замкнутом женском пространстве со временем накапливается энергия громадной силы, способная (если ее не пустить на добрые дела) сокрушить все на своем пути. В этом случае женщина, в принципе, существо, созидательное по сути своей, может стать страшнее взрыва супертермоядерной бомбы. С Ингигерд этого не произошло, и слава богу, как говорится.

Она хорошо воспитала дочерей, дала им достойное по тем временам образование. Анна, как и ее сестры, вышивала шелком и золотом, знала скандинавский язык, читала наизусть саги, хорошо освоила верховую езду. Трудно сказать, дала ли строгая мать, сама вникавшая во все перипетии государственных дел, дочерям азы искусства и науки управления. Если верить той же «Саге о Харальде Суровом», то Элисив хватало и домашних дел, и она из-за этого не страдала, тем более что дом-то у нее был не простой, а королевский. Но Анна? Да, если она действительно знала наизусть многие саги, да вдумчиво читала их и слушала в исполнении скандинавских сказателей и песнесказателей, то профанкой в науке управления ее нельзя назвать: так много мудрого могла она почерпнуть из саг и баллад скандинавских, из книг, которые она читала и даже переписывала, работая в библиотеке при Софийском соборе, основанной Ярославом Мудрым.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.